

ЯХТСМЕНЫ

сорок пятого года

Часть 2.

Дальнее плавание
(начало см. «Кия» № 201)

И вот наступил долгожданный день.

Капитан был неузнаваемым – выглядел морским волком. Голову украшала мятая кожаная фуражка с непонятной эмблемой, в центре которой красовался якорь, на груди висел бинокль. Валентин Антоныч попыхивал трубкой и держался торжественно.

Выйти в назначенное время не удалось. С нашего общего разрешения должен был появиться гость, а он опаздывал. Капитан раза два ходил в здание яхт-клуба – куда-то звонил, возвращался огорченный и уговаривал Пусю подождать еще с полчаса:

– Уж больно парень хороший, фронтовик!

Наконец появился и гость – высокий болезненного вида мужчина в офицерском плаще. Он был представлен как старый знакомый капитанской четы (в каком-то предвоенном году вместе ходили на Онежское озеро), кронштадтец, ради нынешнего плавания сбежавший из госпиталя. Фамилия его была Седов, но в клубе все издавна называли его Седым, так что и нам было разрешено именовать его так...

Как только мы отвалили, Седой скрылся в каюте со словами «что-то стало холодать». А день был действительно холодный, и, что хуже всего, дул довольно свежий противный вест, устроивший нам сплошную лавировку. Галсы приходилось менять без передыху. Хотя и зарифились, «Закат» шел с большим креном, так что подветренный край палубы все время уходил в воду до самого комингса рубки. Не прошло и получаса, как мы оба – Владик в матросском бушлате и я в ватнике – оказались мокрыми от брызг, летящих при ударах носом о волну, и промерзшими (это в июньский-то полдень!). Посмотрев на нас, Пуся обещала поднести экипажу по чашечке горячего кофе.

Валентин Антоныч заметно осторожничал, всегда обходил знаки обстановки с запасом. В педагогических целях перед каждым поворотом объяснял, что к чему, как следует править дальше и чем опасен сход с фарватера в ту или иную сторону. Продвигались мы еле-еле. Прошло часа полтора, а, судя по тому, как хорошо был виден город, мы все еще толклись совсем рядом с ним.

Капитан подустал и понемногу на галсах стал доверять румпель нам с Владиком. Думаю, еще немного – доверил бы и повороты, но... помешало «чепе».

* * *

Валентин Антоныч посадил на руль Владика, а сам полез вниз «хлебнуть кофейку с чем-нибудь». И сразу из каюты послышался его сердитый голос – он и Пуся отчитывали Седого. Потом дверца распахнулась, и в кок-

пит вывалился гость. Он был пьянехонек, что-то бурчал, недовольный опекой капитанской четы, а нам с Владиком заявил, что после ранения его в трюме укачивает и лучше он, как в старое время, посидит наверху, и что Валентин зря боится дать ему румпель... Стараясь разглядеть в

серой мгле указанный нам очередной ориентир, мы оба как-то забыли про гостя, а он, сидя рядом с рулевым, нагнул на голову капюшон, закутался в плащ да понемногу и задремал.

Подошла пора делать поворот, я вызвал капитана. Он, кряхтя выбрался наверх и принял румпель. Мы с восхищением следили за его работой: вот он увалился, дал команду «Поворот!» и стал, как всегда – спокойно и уверенно, поворачивать на ветер. Все шло как надо, но уже в заключительный момент маневра, когда нос «Заката» по инерции перевалил через левентик и выпрямившаяся была яхта начала снова крениться, ложась на новый галс, как-то неожиданно шквальнуло – яхта резко накренилась. Как я ни был занят работой со шкотами, стараясь, чтобы стаксель вовремя взял ветер, но почувствовал, что за спиной происходит что-то необычное...

Осоловевший от выпитого Седой, почему-то при повороте не пересевший с борта на борт, словно куль – спиной вперед – повалился вниз, в воду. Владик метнулся к нему и успел ухватить его за левую ногу, но споткнулся и сам не сыграл за борт только потому, что на него навалился бдительный капитан. Повинуясь какому-то инстинкту, я выпустил из рук стаксель-шкот и тоже нырнул в тот угол кокпита, где торчали длинные ноги гостя. Какое-то время яхта так и буксировала Седого головой в воде и со спеленутыми плащом руками, поскольку никак не удавалось втащить его наверх. Владик с трудом удерживал ногу утопающего, а капитан барахтался, пытаясь встать на ноги, но при этом не выпускал румпель...

Кончилось бы это очень плохо, если бы Пуся в самый критический момент не решила подышать свежим воздухом и не выглянула, сдвинув кап. Она неожиданно легко взлетела по трапу наверх и, ловко ухватив Седого поперек туловища, вынула из воды. Сколько секунд все это длилось – не знаю. Происходило все в полном молчании.

«Закат» сделал за это время самопроизвольный пово-

рот, так что гик с грохотом пронесся над нашими головами, но ничего страшного не произошло – ничто не обломалось, не порвалось.

Картина была странная. С нервным хохотом капитан и Пуся обнимали и целовали спасенного, а он сидел, блаженно улыбаясь, с совершенно белым лицом и... абсолютно трезвый. (Никогда в жизни больше не доводилось видеть столь быстрого и эффективного протрезвления.) Итак, все обошлось, если не считать того, что штиблет с левой ноги Седого непонятным образом «покинул яхту»...

Валентин Антоныч больше к рулю нас не подпускал и долго еще что-то недовольно бормотал, видимо, считая виноватыми именно нас. Капитанша скормила Седому наши порции кофе, и вскоре он вылез в кокпит вполне нормальным человеком, понемногу разошелся и стал рассказывать о событиях военных лет, происходивших как раз в тех местах, мимо которых шел «Закат». Это рассердило капитана:

– Нашел, чем голову ребятам морочить: жив – и радуйся, ужасы вспоминать – не мужское занятие...

Должен сказать, что это сейчас о войне написано много, всякий может составить более или менее объективное представление о тех или иных событиях – достаточно найти нужную книгу. В те же годы о многих даже важных страницах войны никто ничего не слышал.

Вблизи Кронштадта мы обратили внимание на какое-то странное плавучее сооружение, которое два отчаянно дымящих буксира вытаскивали на фарватер. В бинокль была различима приземистая артиллерийская башня – явно линкоровская, но общий силуэт не был похож ни на один из известных нам кораблей. Заметив наш интерес, Седой внес ясность:

– Это бывший «Марат». 23 сентября немцы решили с КБФ покончить, накинудись на Кронштадт, бомбили весь день стая за стаей. Бомба весом в тонну попала в «Марат», в погреб. Взрыв был страшный. Оторвало носовую половину вплоть до первой дымовой трубы. Людей погибло – страшно вспомнить. Не потонул линкор только благодаря малой глубине – сел на грунт. Вот его кормовую часть и восстановили, теперь это плавбатарейя. А кормовые башни через день уже смогли открыть огонь...

Помолчав, Седой добавил:

– Я зенитчик. В тот день меня славно контузило – три дня ничего не слышал и не видел. Только в себя пришел, снова не повезло. Вот слева по борту Стрельна – низкий хмурый берег. А меня, как на эти берега глянул, снова трясет...

Капитан осерчал не на шутку:

– Будь друг, заткнись. Ребятам служить придется, а ты им про всякую жуть молотишь. Знал бы – ни за что на яхту не пригласил...

– Так кто ж им когда правду расскажет? Об этом в книгах не напишут. Хвастать нечем, здесь молодежи положили – не счастье. Задумка-то, может, и хорошая была, но кончилось дело плохо. В это одно и то же гиблое место в начале октября несколько ночей высаживали десанты. Идея была – морячки ударят немцам с тыла, а навстречу рванут танки 42-й армии. Вот самый первый десант бросили на погибель в ночь на 3 октября. К этому я был причастен. Нас – яхтсменов – собрали кого откуда, ни слова не говоря привезли в порт, назначили старшинами шлюпок, лоцманами на катера. Ночью, под дождем, привели роту десантников из бригады морской пехоты. Короткий митинг. Главное, что немцы никаких десантов

не ждут, тут мелководье – к берегу кораблям не подойти, весь расчет на внезапность. Ребят пригнали – человек 250. Каждое отделение – на свою шлюпку, по две шлюпки берет на буксир катерок, и – вперед! Я попал на маленький деревянный «КМ», шли вторыми в колонне. Тьма, хоть глаз выколи. Только гул моторов стоит... А где-то мористее сопровождают нас «морские охотники». Кажется, весь флот перешел в атаку. О плохом не думалось.

Да, идея была хорошая. Подошли к берегу, сколько позволяла осадка ялов, высадили ребят тихо и мирно, ни выстрела, ни шума. Когда уже повернули обратно – началось! Никакие наши танки навстречу не вышли. Ребят всех немцы постреляли. Я лично знаю только одного, кто вернулся. Ян – из нашего яхт-клуба. Уполз, раненный в ногу, в прибрежный камыш. Пролежал до следующей ночи, а там пополз между камнями. Где-то наткнулся на застрявшую на мели полузатопленную лодку. Кое-как заткнул пробойну остатками форменки, каской пооткачал воду, стал грести случайной доской. Как рассвело да туман разошелся, немцы его заметили. Борт прострелили в нескольких местах. Видя, что ветер отжимной, Ян поднял рыбину как парус. Выловили его наши, а он чуть не при смерти. Как пришел в себя, стали таскать и допрашивать, почему никаких ценных сведений не доставил, почему выжил?*

А 5 октября снова все повторилось. И ни один из смертников не вернулся. Только в высадке второго десанта я уже не участвовал.

Уже до Петергофа рукой было подать, когда Валентин Антоныч лично посадил яхту на мель. Долго они с Седым спорили, выясняя в чем причина. Сошлись на том, что раньше здесь стояли вежи, отмечавшие банку.

Часа полтора снимались своими силами. И раскачивали «Закат», и на гик мы с Владиком вылезали, и футшток обломали – ничего не получалось. Яхта вертелась на киле, но с места не сходила. Стоило бы завести подальше якорь, но тузика не имелось – завозить было не на чем. Высадить капитанскую чету, чтобы облегчить яхту, было не на что. Оставалось надеяться на помощь со стороны, нагон воды или смену ветра...

От нечего делать Владик разглядывал Кронштадт. Там происходила какая-то непонятная деятельность: виднелись дымы, сновали буксиры, кого-то вытаскивая на рейд.

* Коротко об этом рассказывал сам Ян Исаевич Эрдман в «КиЯ» № 54.